

ГАЛИНА Ф. БЛАГОВА

**Сравнительно-историческое изучение тюркской
антропонимии в современной России:
реальность и перспективы**

I. В 1911 г. А. Н. Самойлович выразил „пожелание, чтобы исследователи разных турецких племен обратили специальное внимание на личные имена; следовало бы составлять полные алфавитные списки личных имен, мужских и женских, по отдельным племенам, с подробными указаниями, в каких случаях, в какую историческую эпоху, кому и почему давалось или дается данное имя. Впоследствии явилась бы возможность произвести весьма интересное в культурно-историческом отношении сравнительное исследование личных имен всего турецкого народа” [1, с. 299] (сам же ученый систематически собирал материалы по антропонимии, им было разнесено на карточки более тысячи личных имен у туркменов и ногайцев [2, с. 189], а в 1917 г. был опубликован составленный им „Указатель собственных имен” к собранию казахских и алтайских преданий, легенд, сказок [3, с. 192–198]).

За истекшие 87 лет антропонимика стала самостоятельной отраслью ономастического цикла, развитие которого в нашей стране было инициировано в целом усилиями В. А. Никонова. Для того чтобы получить представление о современном состоянии тюркской антропонимики, о насущных задачах, стоящих перед ней, рассмотрим, прежде всего, в какой мере тюркологам удалось выполнить программу, намеченную А. Н. Самойловичем.

I. 1. „Полные алфавитные списки личных имен, мужских и женских” составлены и опубликованы для туркменского [4], гагаузского [5], татарского [6; 7], башкирского [8], казахского [9], киргизского [10] языков. Следует заметить, что полнота этих списков относительна. Во-первых, составители их, „исходя из этических и эстетических соображений”,

как правило, избегали включать в составленные ими словари „неблагозвучные” и устаревшие (или устаревающие) имена [10, с. 18], несмотря на то, что имена этого разряда часто представляют особый интерес для изучения. Во-вторых, во всех этих списках отсутствуют отсылки на те компоненты личных имен, которые занимают в имени неинициальную позицию: в ряде языков они фактически оказываются скрытыми за слитным написанием тюркских сложносоставных имен.

Краткие перечни личных имен даются в ряде двуязычных словарей — в уйгурско-русском [11; 12], а также в тех, в работе над которыми принимал участие или ответственным редактором которых являлся Н. А. Баскаков, а именно в ногайско-русском [15], каракалпакско-русском [14], алтайско-русском [15], хакасско-русском [16] словарях. Имеются также толковый словарик узбекских личных имен [17], перечни гагаузских фамилий и прозвищ [18], караимских фамилий [19]. Разные по объему и не сопоставимые по своему составу перечни тюркских имен, изучаемых в различных аспектах, но всякий раз — без указания на их территориальное распределение¹, содержатся в многочисленных статьях, опубликованных как в тематических сборниках по антропонимике (см. ниже), так и в региональных сборниках по ономастике, например *Ономастика Поволжья* (1–4, 1969–1976), *Ономастика Средней Азии* (Москва, 1978).

I. 2. Вопросам мотивировки тюркских личных имен, традициям, обычаям, обрядам наречения имени, вообще истории личных именований у тюрков посвящен ряд статей в таких сборниках, как *Антропонимика* (Москва, 1970), *Личные имена в прошлом, настоящем, будущем* (Москва, 1970), *Историческая ономастика* (Москва, 1977), *Этническая ономастика* (Москва, 1984), а также в названных выше региональных сборниках. История формирования казахских личных имен трактуется в монографии Т. Ж. Жанузакова [21].

Набор раннесредневековых тюркских имен наиболее полно и систематически предоставлен в *Древнетюркском словаре* [22], между тем как в других тюркских исторических словарях личные имена приводятся от случая к случаю. Обширное собрание среднекыпчакских личных имен детально проанализировано Т. Хаутсмой [23].

А. Н. Самойлович высоко оценивал труд Т. Хаутсма, о чем свидетельствуют его рукописные заметки под заглавием „Еще к вопросу о наречении имени у турецких племен”, хранящиеся в отделе рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге: ф. 671, оп. 487, разр. IV, ед. хр. 117 (в своем описании рукописного

¹ Между тем, среди „методик, наиболее характерных для обществоведческой ономастики”, был провозглашен так называемый „ареально-типологический подход” [20, с. 5].

наследия ученого Л. В. Дмитриева присоединила ед. хр. 117, не приводя ее заглавия к „выпискам из разных рукописей, книг на узбекском и других тюркских языках, имеющих отношение к истории туркменов” [24, с. 297]. Перечень позднесредневековых имен имеется в приложении к русскому переводу *Бабур-наме*, сделанному М. А. Салье [25]. Отечественные антропонимисты необъяснимо редко обращаются к богатой коллекции древних имен, сосредоточенной в *Древнетюркском словаре*, в собрании Т. Хаутсмы.

Приходится также отметить, что при изложении мотивации тюркских личных имен, истолковании вкладываемой в то или иное имя семантики в ряде случаев не изжиты еще субъективизм и известная произвольность при отсутствии фактической аргументации, в надежде на интуицию автора-носителя исследуемого языка. Так, например, узбекские имена *Somon*, *Somonboy* получают истолкование ‘умный, разумный, мудрый, проницательный’, рассудительный или богатство, достаток, благо, счастье’ [17, с. 77]. В этом случае отсутствуют какие-либо пояснения на счет того, почему стала возможна такая большая величина семантической „амплитуды колебания”; вместе с тем возникают сомнения, могут ли быть определены с помощью этой величины границы микрополя в пределах одного языка — узбекского, см. правила построения микрополей, сформулированные Н. И. Толстым [26, с. 36 и сл.].

Другой пример. А. Г. Шайхулов пишет о том, что татарские и башкирские антропонимы *Işbuldı*, *Işkilde*, „на наш взгляд, можно рассматривать и как имена, данные двойняшкам, близнецам, так как синонимическое употребление основы *иш* в двух значениях: а) ‘напарник’, ‘сила’ и б) ‘вдвоем’, ‘вместе’ — вполне возможное явление” [27, с. 141]. Разумеется, известное многим народам мира представление об особой отмеченности близнецов настолько важно [28, с. 5; 29, с. 225], что оно не могло не отразиться в антропонимической системе, но это самостоятельная тема изучения. Думается, однако, что в разбираемом примере речь должна идти о другом, не менее важном явлении. У этнографов есть основания, позволяющие предполагать, что в подобных именах отразились пережитки половозрастных классов. Во всяком случае, у узбеков (Карабулак Чимкентского уезда) *iş*, *eşi* служило обращением среди девочек и девушек-сверстниц [30, с. 161, 162].

Не способствует адекватному истолкованию семантики, вкладываемой в конкретное личное имя, такой операциональный прием, как „мысленно восстанавливаемое первоначальное лексико-семантическое значение личного имени” [31, с. 45] — исходя, при этом, конечно, из современного слова конкретного современного тюркского языка.

Обобщающие работы по этно-исторической тематике в тюркской антропонимике признаются пока делом будущего, между тем как далеко не

все возможности для такого исследования в настоящее время использованы. Известно, к примеру, сколь драгоценны фиксации исторически отдаленных синхронических состояний любой из тюркских антропонимических систем. В этом плане важно сообщение Н. П. Скрыбиной о том, что якутский именник, запечатленный в документах ясачного сбора XVII в., „представляет собой полный каталог мужских имен, так как ясачные сборщики опирались на проведенную в 1642 г. воеводой Петром Головиным перепись, которая охватывала все или почти все взрослое мужское население” [32, с. 140]. Между тем эти уникальные материалы до настоящего времени в полном объеме не публиковались и практически мало использовались в работах якутских антропонимистов (кроме самой Н. П. Скрыбиной).

I. 3. Задачи сравнительного исследования личных имен во всем их объеме у всех тюркских народов, о чем в свое время мечтал А. Н. Самойлович, тюркологи-антропонимисты перед собой не ставили. Как полагал В. А. Никонов в конце своей жизни, предпосылок для такого исследования еще не создано: „Антропонимика пока не располагает сводом компонентов, образующих систему. Нужны основные антропонимические категории. Не выяснив их, невозможно рассматривать и сопоставлять системы имен” [33, с. 6–7]. Ученый отождествлял „системы именования, или антропонимические модели”, подразумевая под ними сочетания ‘имя отчество фамилия’, ‘имя имя, фамилия’, ‘имя фамилия’ и т.п. [33, с. 6]. Такое понимание антропонимической модели способствовало отражению внешней стороны развития тюркских антропонимических систем в советский период (по образцу именования у русских: ‘имя отчество фамилия’), но никак не содействовало прояснению специфики строения тюркского личного имени. Характерно, что самый вопрос о типе (типах) тюркского личного имени в антропонимике не был пока сформулирован⁷⁴.

Тем не менее в ряде работ по тюркской антропонимике предпринимались попытки выявить некоторые специфические признаки тюркских личных имен, было положено начало выработке рабочей антропонимической терминологии.

В свое время еще В. А. Гордлевский [34, с. 154] и А. Н. Самойлович [1, с. 297–298] обратили внимание на такую специфическую черту разновидности турецких и туркменских личных имен, как производимость их на основе глагольных словоформ, например, *durdî*, *dursun*. В 1962 г. венгерский ученый Рашонь и Л. подробно описал по их лексико-грамматическому составу тюркские личные имена, связанные с глагольной формой повелительного наклонения 2 или 3-го л. ед.ч. [35, с. 233–234]. По его мнению, такие имена „принадлежат к древнему, оригинальному слою языка, довольно ясно отражающему магические предста-

вления, определяющие возникновение тюркских личных имен” [35, Резюме, с. 7–8]. Позднее Г. Ф. Саттаров также рассмотрел глагольные личные имена в качестве специфического лексико-грамматического разряда тюркской антропонимии и описал строение простых и сложных имен этого разряда (с разным порядком следования их составляющих) в татарском языке [31].

Перспективным и целесообразным оказалось применение к тюркским сложным личным именам понятия и соответственно термина „опорный компонент”, заимствованных из академической *Грамматики современного русского литературного языка* 1970 г., что было осуществлено Г. Ф. Саттаровым и Р. Х. Субаевой [36]. Среди опорных компонентов татарских сложных личных имен авторами вычленено свыше 60 „собственно-татарских” [36, с. 65]. Ими же были предприняты попытки: а) классифицировать эти опорные компоненты, во-первых, по лексико-семантическому признаку, во-вторых — по их употребляемости применительно к полу носителей имен, б) наметить „морфологические модели” сочетаемости компонентов в татарских сложных личных именах [36, с. 68–72]; о моделях сочетания компонентов в сложных именах см. также [33, с. 301].

I. 4. Значительными — в смысле подготовки перехода к сравнительному изучению тюркской антропонимии — являются многочисленные попытки классификации тюркских личных имен. Однако как сбор (точнее: констатация) тюркского антропонимического материала ведется стихийно, вне единой программы (которая была бы заранее коллективно выработана и которая бы обеспечивала сопоставимость материала по различным тюркским языкам), точно так же и классификация тюркских личных имен проводится без предварительного обсуждения закладываемых в ее основу критериев и принципов, без установки на сопоставимость получаемых классификаций в различных тюркских языках².

Первая известная нам классификация тюркских личных имен появилась в конце XIX в. и принадлежит Т. Хаутсме [23]. В первой, грамматической части его труда, посвященного изданию и всестороннему исследованию тюркско-арабского глоссария XIII в. имеется „Приложение 8. — Личные имена”, где описывается и анализируется собранный составителем глоссария богатый материал по среднекыпчакским мужским и женским именам (к ним Хаутсма добавил еще и те тюркские имена, которые встречаются в арабских исторических трудах)

² Сопоставимость антропонимического материала (которая составляет фактическую опору сравнительного исследования) и начатки сравнительного изучения башкирских и татарских, башкирских и казахских личных имен находим в двух статьях. А. Шайхулова [27; 37].

[23, с. 25]. Скромно замечая, что „еще не подошло время для сколько-нибудь исчерпывающей обработки этого в высшей степени интересного материала” [23, с. 25], Т. Хаутсма бегло останавливается на мотивах наречения имени у средневековых тюрков, основное же внимание сосредоточивает на классификации среднекыпчакских личных имен.

В основе предложенной ученым классификации лежат признаки как структурные, в том числе лексико-грамматические, так и семантические (лексико-семантические). Прежде всего личные имена делятся на простые и сложносоставные (*zusammengesetzten*). Простые имена членятся на 1) существительные, среди которых выделяются „звериные имена”, имена, связанные с названиями „небесных явлений” и неживой природы, а также с обозначениями званий, титулов, чинов; 2) *nomina verbalia* на *-č*, *-(I)š*, *-(I)k*; 3) причастия на *-(A)n*, *-(A)r* в положительном и отрицательном аспектах, особо отмечается широко распространенное причастие на *-mIš*; 4) производные имена, образованные от существительных и прилагательных с помощью аффиксов *-čuk*, *-ča*, *-ll*, *-sIz*, *-čI* [23, с. 28–31]. Среди сложносоставных имен различие ведется по признаку лексико-грамматической принадлежности компонентов личных имен³ и характеру их сочетаемости: а) субстантивов с предшествующим адъективом; б) субстантивов с последующим субстантивом; в) имена, соположенные с глагольными формами; д) двойные имена [23, с. 27, 32–35]. С сожалением приходится отметить, что очень четкая и толковая классификация личных имен, предложенная Т. Хаутсмой, осталась незамеченной в ономастике.

Другая, притом — общетюркская, классификация личных имен осуществлена Рашонь и Л. в 1953 г., ее критерий экстралингвистический — учет психологической мотивировки при выборе имени у тюркских народов в целом [38]; по признанию автора, предпринятая им классификация охватывает „крупные величины как по пространству, так и по времени”, что в его глазах оправдывается „консерватизмом тюркских племен” (проистекающим большей частью из такой самой значительной унифицирующей исторической силы, как евразийская степная зона) и „медленностью расселения тюркских народностей” [38, с. 331–332]. Позднее эта же классификация (с рядом дополнений и уточнений) была применена Рашонь и к женским именам у тюркских народов [39, с. 230–238].

Общетюркская мотивационная классификация личных имен Рашонь и Л. в целом опиралась на тогда еще довольно немногочисленные предварительные разработки тюркологов-антропонимистов по отдельным

³ Конечно, Т. Хаутсма, не оперирует термином „компонент личного имени”, но судя по характеру анализа он близко подошел к осознанию соответствующего понятия.

языкам; естественно, что с точки зрения современных опубликованных материалов здесь возможны уточнения. Так, например, к разряду „случайных именовании” отнесены те личные имена, которые имеют в своем составе слова из числа метеорологической лексики [38, с. 328; 39, с. 323]. Однако, как можно судить по новейшим фольклорным публикациям — якутским *олонхо* о родоначальниках племени, такие личные имена могут быть связаны с культом мифических предков тюркских народов⁴. Кстати, о том что в дохристианских верованиях тюркских народов Сибири, прежде всего якутов, метеорологические и особенно атмосферные явления каким-то образом могли связываться с миром человека, его благосостоянием⁵, догадывался еще в начале XX в. В. Ф. Трошанский [42, с. 269]. Об „одухотворении атмосферных явлений” см. [27, с. 138].

Две другие статьи Рашоньи Л., посвященные соответственно личным именам в форме как повелительного наклонения глагола [35], так и числительного [43], могут свидетельствовать о том, что ученый наметил осуществить еще одну, принципиально иную классификацию личных имен — по лексико-грамматическому признаку. На целесообразности нескольких разноплановых классификаций для личных имен настаивал В. А. Никонов: „классификацию имен надо строить разноплоскостно, т.е. не одну, а несколько и в разных планах. ... недопустимо рассматривать в одной классификационной схеме антропонимические категории и по их происхождению, и по их функции” [33, с. 7].

В русле классификационной схемы Рашоньи Л. рассматривает Ж. Какук тюркскую антропонимию, отраженную в венгерских исторических источниках XVI–XVII вв. [44].

⁴ Якутское *олонхо* так повествует о происхождении одного из легендарных родоначальников: „[То ли он] с восточной стороны Восточного неба, / ... / из белого облака, / быстро закрывшего [небо], / в виде белого легкого снега / упал / и, споря-борясь, / закаляясь-укрепляясь, / вырос — / так ли он произошел-родился, / ничего об этом не знал, говорят” [40, с. 58].

Другая версия его происхождения связывается с иным рядом атмосферных явлений: „[То ли он] с западной стороны Западного неба, / ... / из темной тяжелой тучи, / приплывшей-опустившейся над землей, / в виде града-дождя / с громким шумом упал / и, с буйным вольным ветром / споря-борясь, / закаляясь-укрепляясь, / вырос — / так ли он произошел-родился, / ничего об этом не знал, говорят” [40, с. 58].

⁵ Такую связь находим в факте наречения младенцу имени *Tuman*, что описано у Абу-л-Гази: „Этот мальчик родился во [время] тумана, и потому я дал ему имя Туман. И, во-вторых, от [всего] сердца я желаю ему счастливой судьбы, и потому даю [ему] имя Туман, ибо туман долго не держится, он скоро проходит. Туманный день станет солнечным, после тумана не может не быть ясного дня. Туман, который не долго держится, я уподобил юности этого мальчика, [а] солнце, [появившееся] позднее, я уподобил счастливой и долгой жизни этого мальчика, когда он, став взрослым, воссядет на троне своего отца”. [перевод А. Н. Кононова: 41, с. 58].

К мотивационной классификации Рашоньи по самой своей сути близка тематическая классификация татарских и башкирских личных имен, предложенная А. Г. Шайхуловым (см. „I. Имена-посвящения”, „II. Описательные имена” с соответствующими рубриками: [27; с. 137–141]).

В тюркской антропонимике особенно распространена классификация личных имен по их языковому происхождению. Лингвогенетическая классификация казахских имен осуществлена Т. Ж. Жанузаковым [21], татарских — Г. Ф. Саттаровым [33, с. 301 и сл.], каракалпакских — Д. С. Насыровым и Л. С. Толстой [33, с. 152–154]. Во всех этих опытах лингвогенетической классификации вычленены пласты: 1) древнетюркской антропонимии, 2) соответственно — „исконно казахских” или „старотатарских” личных имен (в последнем случае — с подгруппами булгаро-татарских, кыпчакских, монгольских и огузских имен), 3) пласты заимствованных антропонимов, 4) пласт новых антропонимов. Как справедливо заметил А. Г. Шайхулов, при такой классификации „в каждой группе имен легко можно найти такие антропонимы, которые можно включить в группу совершенно иного этнического пласта...” [20, с. 77].

В результате произведенной лингвогенетической классификации делается важное заключение о том, что древнетюркские антропонимы восходят к древнетюркским апеллятивам и составляют основу общетюркских имен почти во всех современных тюркских языках [33, с. 301]. Однако этот вывод носит, можно сказать, интуитивно-декларативный характер, так как не опирается на соответствующий языковой материал, на сравнительный анализ сопоставимых личных имен у разных тюркских народов.

В плане этногенетической интерпретации имен, по мнению А. Г. Шайхулова, может дать более или менее достоверные данные их тематическая классификация и то — лишь при соблюдении „общих методологических принципов, в основе которых — анализ личных имен в их диахронической последовательности, позволяющий рассматривать различные этапы эволюции антропонимических систем того или иного народа” [27, с. 137; см. также: 37, с. 81–82 и сл.]. Попытку совмещения лингвогенетической классификации, с одной стороны, и элементов семантической и мотивационной классификации каракалпакских личных имен, с другой (без учета „диахронической последовательности” этих последних), можно видеть в работе Д. С. Насырова и Л. С. Толстой [33, с. 152–154].

А. Г. Шайхуловым предприняты попытки вычленения исторических пластов личных имен у тюркских народов Волго-Камско-Уральского региона, а также их хронологизации [20, с. 71 и сл.]. Им же затрагиваются вопросы, связанные с лексико-семантической классификацией

имен у этих народов и конкретно — у башкир и казахов, см. [20; 37]. Семантическая классификация казахских личных имен ранее была предложена Ж. Т. Жанузаковым [21]. И хотя семантический принцип классификаций признается недостаточным для всесторонней характеристики ономастикона [45, с. 54] (поскольку личные имена определенным образом построены, имеют конкретную структуру, объединяются в типы по формальным признакам), в целом все же следует признать, что совместные усилия тюркологов-антропонимистов привели к известным достижениям в области изучения семантики и сивволики тюркского антропонимикона.

Знаменательны попытки подразделять, например, татарские „гибридные, сложные личные имена” по моделям сочетания компонентов в них [33, с. 301], выявлять „структурные типы варьирования антропонимических словосочетаний” в якутском [32, с. 140]; еще раньше вопросам синтаксического конструирования тюркских имен уделял внимание Рашонь и [35; 43, с. 47–48].

II. Развернувшееся в последние десятилетия сравнительно-историческое изучение тюркских языков на разных уровнях и особенно на уровне лексики ставит антропонимистов перед необходимостью более активного, строго подготовленного включения тюркской антропонимики в круг компаративистических исследований. При этом необходимо иметь в виду, что в сравнительно-историческом плане тюркская антропонимия (как, впрочем, и ономастика в целом) изучены гораздо меньше, чем тюркская лексика в целом. Это отчетливо видно из произведенного выше обзора, равно как и из факта слабой представленности антропонимии в этимологических словарях тюркских языков [46; 47].

Именно поэтому следует предварительно как можно полнее собрать тюркскую антропонимию. Что же касается антропонимии, принадлежащей ранним историческим пластам, то, перефразируя слова О. Н. Трубачева, нужно критически исследовать ее, определить новые, современные аспекты ее изучения, внимательно оценить ее значение для внешней и внутренней истории тюркских языков [45, с. 48], а также для культурологии. Задача систематизации и обработки имеющегося тюркского материала для целей внутренней реконструкции пратюркской антропонимической системы является одной из актуальных задач современной тюркской антропонимики (см. также [29, с. 216]).

Именно эту задачу — как подготовительную в целях реконструкции пратюркской антропонимической системы мы поставили перед собой, выполняя раздел „Антропонимы” для *Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Лексика* (Москва 1997). В компаративистике подчеркивается, что реконструкция такой „экстрасистемы”, как ономастика,

занимает особое место в общей системной реконструкции лексического состава праязыка [48, с. 9]. Давно уже признается, что сравнительно-исторический метод должен занимать главенствующее положение в исследованиях ономастики любого языка [49], и в настоящее время применение этого метода известно в славянской ономастике — в работах О. Н. Трубачева, где фронтальное сопоставление славянских этнонимов как „системно организованной совокупности” позволило уточнить представление о праславянском языке в целом [45, с. 54]; см. об этих работах: [48, с. 9]. В тюркской ономастике, в том числе и в антропонимике, таких исследований до настоящего времени не предпринималось.

II. 1. Отбор материала для реконструирования и его систематизация. Ввиду того что в раннесредневековых тюркских памятниках представлены преимущественно мужские личные имена и лишь за редким исключением — женские имена, нам приходилось оперировать, главным образом, мужскими именами. В целях удобства реконструкции пратюркского антропонима, генетически возводимого к апеллятиву (т.е. к лексеме общего словарного фонда) или к сочетанию апеллятивов, нами использован термин „антропонимическая единица”, под которым понимаются и односоставное личное имя, и компонент сложносоставного имени.

Прежде всего, нам предстояло определить инвентарный набор тех тюркских лексем (по отдельным группам лексики, см. об этом: [25, с. 45]), которые используются в качестве антропонимических единиц как в древней, так и в современных тюркских антропонимических системах.

При отборе материала для реконструирования был использован критерий повторяемости, наиболее четко сформулированный Н. И. Толстым и С. М. Толстой [29, с. 221]. Имеется в виду, во-первых, синхроническая повторяемость лексем, используемых в качестве антропонимических единиц в различных современных тюркских именниках, соответственно на разных, порой удаленных друг от друга территориях: это заставляет, по мнению ученых, признать такой факт неслучайным и нуждающимся в интерпретации. Во-вторых, изучалась диахроническая повторяемость тех же лексем, используемых как в древней, так и в современных тюркских антропонимических системах. Принимался во внимание также другой тип повторяемости, когда, скажем, один и тот же компонент повторяется в составе разнотипных сложносоставных личных имен (например, именных и глагольных). Применение критерия повторяемости, синхронической и диахронической, способствовало выявлению инвентаря древних антропонимических единиц.

Рубрикация лексем, используемых в качестве антропонимических единиц, в нашей классификации проводилась на основе лексико-грамматического и семантического критериев. Антропонимические единицы

первоначальные распределялись по группам в соответствии с тем, какая часть речи в них задействована (и это, по нашему мнению, отнюдь не противоречит тезису А. В. Суперанской о том, что „имя собственное — категория лексическая, а не грамматическая” [50, с. 105]). Таких групп в рубрикации тюркских антропонимических единиц получилось четыре — I. Существительные; II. Прилагательные; III. Числительные; IV. Глаголы. Внутри этих групп каждая антропонимическая единица соотносится с содержательно близкими ей другими антропонимическими единицами [см. об этом: 45, с. 218]. Благодаря применению семантического критерия стало возможным внутри названных групп выделить ряды семантических подгрупп — более крупных (так сказать, „родовых”, см., например в группе I. Существительные: 1. Названия, связанные с миром природы, 2. Названия связанные с миром человека) и иерархически им подчиненных более дробных подгрупп (так сказать, „видовых”, см., например в подгруппе 1: Названия неба, небесных тел, метеорологических и атмосферных явлений; Названия металлов и минералов; Названия из разряда зоологической лексики).

II. 2. Обработка материала. Структура словарной статьи, содержащей реконструкцию антропонимической единицы. Помимо формальной реконструкции антропонимических единиц нами сделана попытка системной реконструкции пратюркской антропонимии: мы стремились показать, что антропонимические единицы существуют не сами по себе и не в виде механической суммы, но в динамической связи друг с другом. В совокупности словарных статей дается представление о парадигматических отношениях между реконструируемыми единицами, об их иерархии. Определяется „конструктивная функция” (термин Ю. Н. Тынянова, см. [51, с. 93]) каждой реконструируемой антропонимической единицы, а именно: выступает ли она в качестве самостоятельного личного имени или же в качестве компонента сложносоставного имени. При этом оказывается, что целый ряд лексем, которые реконструируются в пратюркской антропонимической системе в качестве самостоятельных личных имен, обладают способностью использоваться там также в виде опорных компонентов личных имен (например, *kün*, *temür*, *tau* и др.).

Наряду с лексико-грамматической реконструкцией личного имени производится реконструкция лексической семантики, при этом предприняты попытки выявить пути символизации или метафоризации того апеллятива, с которым связана реконструируемая антропонимическая единица.

Общеизвестно, что от других лексических категорий имена собственные отличаются своей исключительной способностью к синтаксическому словообразованию (происходит специфическая лексикализация син-

таксических конструкций) [52, с. 85]. Анализ языковых фактов в этом аспекте позволил на конкретном материале показать конструктивные функции антропонимических единиц, т.е. реконструировать — в самых общих чертах (ибо это самостоятельная исследовательская тема) — пратюркские модели сложносоставных имен. Для имен (ниже мы не проводим различия существительных, прилагательных, числительных, которое необходимо при детализации моделей „а”, „б”) это: а) реконструируемый именной компонент и имя, б) имя и реконструируемый именной компонент (конструктивные разновидности, в основном — для современных сложносоставных имен, — с наличием аффикса принадлежности 3-го лица у постпозитивного компонента). Для глаголов: в) реконструируемый глагольный компонент и имя, г) имя и реконструируемый глагольный компонент.

Реконструируются конкретные реально существовавшие личные имена — не только односоставные, но также и сложносоставные. Предварительно — только в общих чертах и притом далеко не для всех антропонимических единиц — удалось наметить возможности их сочетания друг с другом в пределах сложносоставных имен, именных и глагольных.

Совокупность всех этих конкретных реконструкций упорядочена в рамках принятой нами классификации, опирающейся на лексико-грамматический, структурный и семантический критерии. Благодаря этому стала возможной реконструкция семантической подсистемы пратюркского антропонимикона — она отражена в виде семантической рубрикации пратюркских антропонимических единиц.

Нами была предпринята попытка хотя бы в первом приближении наметить территориальное распространение реконструируемых антропонимических единиц. Истолкование полученных при этом ареально-исторических наблюдений позволило вычленить Центральную Азию как один из тех регионов, где отстаивались древние личные имена и откуда они впоследствии распространялись (по крайней мере на запад и юго-запад). Это наше заключение подтверждается также наблюдением А. Г. Шайхулова о том, что башкирские и татарские антропонимы и этноантропонимы „включают преимущественно образования центральноазиатского происхождения” [20, с. 75].

II. 3. Реконструкция пратюркской антропонимической системы и перспективы изучения ее исторического развития. Соблюдение всех вышеперечисленных приемов и правил отбора, систематизация и обработки материала, исключив угрозу атомарности реконструкции отдельных, разобобщенных личных имен, способствовало тому, что была реконструирована пратюркская системно организованная совокупность антропонимических единиц, т.е. пратюркская антропонимическая система.

Уже первый опыт такой реконструкции позволил установить 91 пратюркскую антропонимическую единицу, причем все они классификационно распределены внутри каждой части речи (из числа задействованных в антропонимии) по семантическим группам и подгруппам. Как пратюркские антропонимические единицы, так и распределение их по традиционным семантическим рубрикам, оказались сохранными в веках и представлены (хотя и неравномерно) в современных тюркских антропонимических системах. Все это свидетельствует о необычайной устойчивости, исторической живучести пратюркской антропонимической системы.

Последующие разыскания в этой области, безусловно, будут способствовать расширению круга реконструируемых антропонимических единиц, возможно даже — пополнят семантическую рубрикацию антропонимической системы. О. Н. Трубачев в своем сравнительно-историческом исследовании славянской этнонимии допускал „бесследную утрату других, не менее древних и интересных этнонимов, которые отмирали и забывались, как это имело место и с апеллятивной лексикой славянских языков” [45, с. 48]. Точно так же ряд антропонимических единиц, имевшихся в пратюркской антропонимической системе, но оставшихся за пределами ранних письменных фиксаций (строго говоря, такие фиксации древних тюркских имен были делом случая), мог выпасть из последующего употребления. Возьмем, к примеру, антропонимические единицы, основу которых составляют глаголы движения. Нам удалось реконструировать только личные имена с глагольной основой *qač-* ‘бежать’. Естественно предположить, что другие глаголы движения были задействованы в пратюркской антропонимической системе. Во всяком случае, в раннесредневековой антропонимической системе были представлены, например, основы глаголов *kir-* ‘входить, прибывать, появляться’, *čiq-* ‘выходить, направляться куда-либо’, которые не встретились нам в современных тюркских антропонимиконах. Здесь, однако, широко употребительны имена с компонентами, основы которых — глаголы *kel-/qel-* ‘приходить, возникать, появляться’, *yür(ü)-* ‘ходить, двигаться’, между тем как раннесредневековых фиксаций с такими глагольными компонентами найти не удалось.

Вместе с уникальной сохранностью основы пратюркской антропонимической системы нельзя не отметить, что эта система, естественно, исторически развивалась и претерпевала различные изменения, которые сказывались даже и на наиболее устойчивой ее части. Помимо внутренних изменений тюркские антропонимические системы в разные исторические периоды и на разных территориях подвергались активному воздействию манихейской, буддийской, мусульманской, китайской антропонимических систем.

Располагая в настоящее время, так сказать, эволюционной (пратюркской) точкой отсчета, можно наметить некоторые направления развития тюркской антропонимической системы и даже приблизиться к познанию механизма такого развития, обеспечивающего впечатление устойчивости ядра этой системы. Остановимся на следующих эволюционных процессах.

1) Инновации вносились за счет пословного вытеснения одного компонента из конкретного древнего имени при сохранении другого, опорного его компонента (о сходном поединичном вытеснении старого содержания новым в фольклоре см. [53, с. 13]) и при сохранении прежней модели сложносоставного имени. Приведем пример. В среднетюркских именах *täñri qul*, *täñri berdi* происходило вытеснение старого компонента *täñri* фарсизмом *hüday* или же арабизмом *allah*; получались подновленные имена *hüday qul*, *hüday berdi* или *allah berdi*. В данных именах лексическая, а по значению — религиозно-идеологическая новация вытеснила только часть прежнего содержания личного имени (а именно — его языческую окраску). Новация эта занимает в данных именах совершенно определенное место — инициальное место прежнего компонента. А место это давно уже закодировано соответствующими моделями сложносоставных имен, связями и отношениями со структурой антропонимической системы в целом. Другие новации также встраиваются в этот порядок. Возьмем, к примеру, среднекыпчакские (XIII в.) двойные имена *buri bars*, *arslan boğa*, *tay boğa* [23, с. 32, 33, 34], где оба именных компонента — тюркские. В период, когда мусульманская антропонимическая система активно воздействовала на тюркскую систему, инициальный компонент в таких двойных именах оказывался вытесненным мусульманским личным именем: *muhammad bori* 'Мухаммад-волк', см. также *žora qozi* 'Джурагненок' [54, с. 24].

В результате такого жестко регламентированного пословного вытеснения одного из компонентов тюркского имени получается, что архаичные модели сложносоставных имен оказываются унаследованными, и структура тюркской антропонимической системы сохраняется несмотря на то, что сакральные и многие ценностные установки, отражаемые в этой системе, претерпевают значительные изменения в связи со сменой религиозных воззрений и активным воздействием в данном случае мусульманской антропонимической системы.

2) Историческое развитие тюркской антропонимической системы могло происходить за счет поморфемного вытеснения, замещения или расширения грамматического состава в первую очередь глагольных компонентов. Сравним среднеуйгурское личное имя *tur bay* (безаффиксальная форма 2-го лица ед. числа повелительного наклонения) и туркм. *dursun bay* (форма 3-го лица ед. числа повелительного наклонения с аффикс. *-sun*).

Широко распространенное в личных именах раннесредневековых фиксаций причастие на *-mİš* (см. ср.-уйг. *turmİš temür, beg turmİš, qız turmİš* [22, с. 588]) уступило место, например, в туркменской антропонимии форме 3-го л. ед.ч. прошедшего категорического времени (*ğara durdİ*) или причастию на *-An* (*duran bibi, duran ay*), см. также *dursun bike*. Исторически можно наметить развитие общей тенденции к расширению грамматической (морфологической) опоры тюркской антропонимии; особенно заметна эта тенденция на примере глагольных компонентов личных имен, а также использования определительных конструкций с аффиксом принадлежности 3-го лица при определяемом (туркм. *tursun yulİ*).

3) В современных моделях сложносоставных личных имен по сравнению с реконструируемыми часто бывает изменен порядок следования компонентов имени. См., например: крх.-уйг. *ay told* = [22, с. 25, 199], но туркм. *ay dolan/dolan ay*, кирг. *tolxon ay*, правда, при несовпадении грамматической формы глагольного компонента в приведенных примерах.

4) Личные имена отразили в себе семантическое развитие ряда лексем и в первую очередь — названий, связанных с титулатурой. В социальных условиях послеоктябрьского периода компоненты личных имен *bay, bek, han* проявляли тенденцию к превращению в аффиксоиды со значением ласкательности, в узбекском языке эта тенденция была выражена более отчетливо, в татарском — в меньшей степени [55, с. 212–213]. См. о постепенности, „градуальности” изменения всего значения в диахронии: [56, с. 8]. „Служебными имяобразующими элементами” в узбекской антропонимии считал В. А. Никонов компоненты современных женских имен *gül* ‘роза’, *oy* ‘луна’, см. *tatyan-oy* [33, с. 313, 314].

4. Устойчивость семантической подсистемы пратюркского антропонимикона в связи с устойчивостью этнических традиций тюрков (Культурологический аспект).

Этнолингвистическому аспекту сравнительно-исторических исследований лексики в настоящее время придается большое значение [57, с. 112], как и приему „объединения историко-лингвистических показаний и историко-культурных свидетельств” [48, с. 35]. Семантическая подсистема пратюркского антропонимикона фактически смыкается с реконструкцией апеллятивной семантики; недаром О. Н. Трубачев признает ономастику одним из резервов такой реконструкции, см. [48, с. 197]. (Признание факта такого смыкания, как нам представляется, ни в коей мере не ведет к отождествлению личного имени и апеллятива, даже и в тех случаях, многочисленных в тюркской антропонимии, когда по своей форме односоставное личное имя совпадает с апеллятивом, ибо “быть собственным именем — это свойство определенной лексической единицы, а не ее функция” [50, с. 107]).

Само определение личного имени как социального знака (В. А. Никонов) позволяет соотносить антропонимический ряд с соседними социальными, культурными, религиозными, обрядово-бытовыми рядами (о соотнесенности рядов разного порядка см.: [51, с. 92]), в условиях которых существует и развивается личное имя. И устойчивость семантической подсистемы пратюркского антропонимикона (судя по ее сохранности, хотя и неравномерной, в современных тюркских антропонимических системах) может быть понята и интерпретирована в связи с устойчивостью этнических традиций, продолжающейся скрытой жизненностью древних воззрений, верований и обычаев тюрков, их традиционно-патриархальным самосознанием). Регламентирующая роль традиции очевидна при учете живой обращаемости личного имени, отражающей насущную нужду в нем широчайших общественных слоев. Вот как в якутских *олонхо* оценивается особо важное значение личного имени в жизни человека: „Пока без имени я живу / вдруг нежданное несчастье настигнет: / молодцы к рукам прибегут, / смерть-гибель достанет, / грешное мое тело святая земля [тогда] не примет, / чистое мое тело в рай не возьмет, / между небом и землей злым духом витая / материнский род свой уничтожу я, / отцовский род свой встревожу” [40, с. 123]; в этой оценке шаманские представления переплетаются с позднейшими христианскими мотивами [40, с. 131].

„Есть образ мыслей и чувствований, — писал А. С. Пушкин, — есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу” [58, с. 40]. Эта „тьма обычаев, поверий, привычек” принадлежит культуре данного народа [59, с. 12]. Эти обычаи, поверья, привычки у тюрков закрепляются в антропонимической системе в форме отдельных личных имен (или их опорных компонентов) и в этом виде вливаются в память культуры. Именно поэтому основные опорные компоненты пратюркской антропонимической системы сохраняются до наших дней — несмотря на активное воздействие на нее в разные исторические периоды и на разных территориях манихейской, буддийской, мусульманской, китайской антропонимических систем и несмотря на поединичное вытеснение отдельных старых компонентов новыми.

Сохранность многих старых опорных компонентов в современных тюркских антропонимических системах — один из факторов, способствующих реконструированию пратюркской антропонимической системы.

Названный выше культурно-исторический процесс, запечатленный в совокупности приводимых ниже реконструкций, был непрерывным несмотря на то, что репертуар тюркских личных имен постоянно подвергался изменениям и, претерпевая историческое и территориальное развитие, в разные эпохи был различным. Непрерывность названного культурно-исторического процесса дает возможность культурологу, историку, этно-

графу восстановить картину жизни древних тюрков во многих ее деталях. Личные имена тюрков — источник при изучении их древних верований [60].

Многие тюркские народы до принятия ислама были язычниками и поклонялись „Духу неба” [61, с. 78], небесным светилам и небесным явлениям; нами реконструируется целая подгруппа личных имен с опорными компонентами — названиями неба/Бога, солнца, луны, звезды, вёдра (ясной погоды), снега, тумана, бурана.

Тотемические верования древних тюрков нашли отражение в личных именах с опорными компонентами-названиями животных, диких и домашних, птиц, рыбы [62, с. 214], а также в якутских *олонхо* о „чудесных детях, рожденных в образе птиц”, „о чудесном быке — сыне родоначальника”, где „заметную роль играют древние, уже отчасти утраченные мифологические мотивы” [40, с. 136]). Распространение имен с компонентом ‘волк’ является типологической универсалией для тюркских, монгольских, ряда индоевропейских народов (см. [62^a, с. 55–68]). Во многих именах, связанных с зоологической лексикой, отражаются такие хозяйственные уклады тюрков, как скотоводство (см. личные имена *buɣra* [<‘верблюд-самец’], *buqa* ~ *buɣa* [<‘бык’], *taɣ*, *qulun* [<‘жеребенок’]), охотничий промысел (*qaban* [<‘кабан’], *tilkü* [<‘лисица’], *tekä* [<‘козел’]).

Антропонимы с опорным компонентом — названием собаки до сих пор являются именами — „оберегами” и даются „в целях ограждения новорожденных от преждевременной смерти” [60, с. 92] (см. об этом ниже). У якутов в семьях, где не выживают дети, новорожденного называли щенком (*it oɣoto*) или собачьей кличкой [64, с. 156]; у башкир ребенка клали на место собаки; если ребенка не тронула и собака, то считается, что злые духи тем более его не тронут [65, с. 53]. См. ср. уйг. имя *it saman* (<‘собачья подстилка’), туркм., башк. *it almaz* (<‘собака не возьмет’).

С названиями некоторых диких животных и хищных птиц (*arслан*, *bars*, *qulan*, *tilkü*; *toɣrul*, *la:ɕin*, *turumtaɣ* и др.) связаны „звериные” имена (термин Л. Н. Гумилева): в древности они призваны были указывать „на принадлежность данному роду, восходящему к мифическому прародителю — зверю” [61, с. 82]. Впоследствии, с утратой этой мифологической актуальности, происходила метафоризация некоторых из таких имен, и они превращались в имена-пожелания [см.: 60, с. 90]. Например, „чтобы новорожденный был зорким, бдительным, мужественным”, давались каз. *bürkit*, *lašın*, *arıstan* [66, с. 200]⁶. Пожелания иного характера выражают

⁶ Характерно, что названия тех же самых диких хищных зверей и птиц (крупных, крепких, выносливых) — *arслан/arıstan*, *bars*, *böri* (или: *kök žal er* ‘сивогривый богатырь’), *sunqar*, *bürküt* и др. — используются в киргизском и казахском фольклоре в качестве эпических характеристик богатырей: восходя к древней эпической традиции, они олицетворяют богатырскую силу, храбрость, бесстрашие, ловкость [67, с. 483, примеч. 9, 21, с. 494, примеч. 26; 68, с. 33].

имена с опорными компонентами — названиями домашних животных, причем тех именно, которых разводит скотовод=кочевник ('обладать большим количеством таких животных', 'быть резвым, ловким, выносливым' — подобно, например, жеребенку).

В целой подгруппе реконструируемых антропонимов отразился культ предков, связанный с традиционно-патриархальным самосознанием тюрков. Обычай давать новорожденным имена в честь предков, превратил в имена собственные, такие нарицательные имена, как 'отец', 'бабушка', 'дедушка', 'дядя' [69, с. 181]; по-видимому, это связано с запретом давать ребенку имя его отца и матери, родных бабушек и дедушек [70, с. 245].

В тюркской антропонимической системе отразились — в деформированном виде — реликтовые формы половозрастного деления и соответственно — возрастные классы [30, с. 161]. В частности, распространенность личных имен с комп. *eš*, *yoldaš*, *žora* может быть объяснена тем, что мужчины одного возрастного класса при обращении называли друг друга *žora*, у киргизов и казахов *žoldoš* (кирг.), *žoldas* (каз.); у узбеков (Карабулак б. Чимкетского уезда) *eši* служило обращением среди девочек и девушек-сверстниц [30, с. 162].

Издrevле в функции личных имен (а также прозвищ) использовались этнонимы (исторически такое их использование было широко распространено у тюркских народов, см. [44, с. 32–34]).

В социальном отношении особо значимую подгруппу в древности составляли личные имена с опорными компонентами — сословными титулами: *beg*, *inal*, *han*, *bay* и др. (в современных именах многие из них сохранились при постепенной утрате своей социальной функции).

В древности „тюрки не носили одного и того же имени от рождения до смерти, как европейцы. Имя тюрка всегда указывало на его положение в обществе. Мальчиком он имел кличку, юношей — чин, мужем — титул, а если это был хан — то титул менялся согласно удельно-лествичной системе” [61, с. 90]. О социальных изменениях имени одного человека в истории древних тюрков Л. Н. Гумилев писал так: «каждый из князей имел кроме собственного („звериного”) имени титул, который менялся в зависимости от занимаемой им должности. ... У некоторых ханов известны только титулы или только „звериные” имена...» [61, с. 57, примеч 20]. Ученый высказывает мнение: „Всё это не канонизированные имена, а описательные, меняющиеся в связи с возрастом и общественным положением человека. Это скорее прозвища” [61, с. 82–83]. Сообщениями Л. Н. Гумилева о социальных изменениях имени одного человека на протяжении его жизни в древности подкрепляется определение личного имени как социального знака (В. А. Никонов; А. В. Суперанская).

Современные исследователи — носители тюркских языков отмечают, что до настоящего времени среди тюрков существуют так называемые “обманные имена”, на которые одним из первых обратил внимание В. В. Радлов: у алтайцев „если первые дети умирали тотчас же после рождения, то мальчику дается самое худое имя как, например, Ит-Көдөн (Собачий зад), Палчык (Грязь)” [71, с. 176]. Обманные имена (‘плохой’ — крх.=уйг. *yavlaq sarıy* [22, с. 249] и кирг. *žaman, žaman bay, žaman bala, žaman qul* [10, с. 127–128], ‘навоз’ — *tezäk*, ‘сопливый’ — *boq tırun* [66, с. 10, 493 примеч. 3]) или намеренно сниженные (*qaşıq* ‘ложка’, *tuhta* ‘пуговица’) призваны были оттолкнуть от носителя такого имени злые силы. Этим целям служили „пеленочные имена”. По словам Т. Х. Кусимовой, повивальная бабка — „кендек эбей, принимая новорожденного, на одну руку привязывала шелковую нитку и, нарекая его именем, заворачивала в пеленку. Это первичное имя и шелковая нитка являлись своеобразным древним заклинанием от злых духов, иначе бес мог подменить ребенка...” [70, с. 242].

У туркмен, как отмечала З. Б. Мухамедова, существовало два имени для одного человека: чын ады (истинное имя) и ялан ады (ложное имя, предназначенное для обмана злых духов) [72, с. 17]. Среди каракалпаков, у которых имя, как правило, нарекалось на всю жизнь одно, существовало исключение: в случае тяжелой болезни человек, особенно ребенок, также получил бытовое обманное имя [33, с. 154].

Проблему тюркских двойных имен поставил Т. Хаутсма: он относил к таким именам соположение двух существительных, нередко принадлежащих к разным семантическим подгруппам, например, *tingiz boya* (<‘море-бык’), *ay bars* (<‘луна-барс’), *bars-tuğan* (‘барс-сокол’). Анализ обширного материала привел ученого к выводу, что в таких именах отражен обычай сочетания двух разнородных имен, представляющих тотемы племен отца и матери нарекаемого [23, с. 33]; по мнению В. А. Гордлевского, на этот же старинный обычай указывают двойные мусульманские имена у турок-османцев [34, с. 156]. „Двоеверием народа, сохранением в его быту многочисленных языческих обычаев и обрядов” объясняет двуименность у гагаузов С. С. Курогло [73, с. 183]. Скрещивание древней, домусульманской и мусульманской антропонимических систем в настоящее время сказывается в существовании двойных имен, например, у узбеков: *žora qozi; muhammad bori* [54, с. 24].

Не последнее место занимают в пратюркской антропонимической системе имена с названиями металлов и минералов в качестве опорного компонента (‘камень’, благородные металлы — ‘золото’, ‘серебро’, символ твердости — ‘железо’). Благодаря процессу метафоризации подобные имена также становятся именами-пожеланиями в современных антропонимических системах.

Имена-пожелания образуются с помощью ряда прилагательных, таких, как *esän* 'здоровый', *arïx* 'чистый', *ulu* 'великий', *qutluq* 'благодатный; благословенный', *çuçuk* 'сладкий'.

Из прилагательных цветообозначения в качестве опорных компонентов пратюркских личных имен реконструируются *aq* 'белый', *qara* 'черный', *sarïx* 'желтый', *kök* 'синий, голубой' (с учетом имеющей место при наречении метафоризации 'счастливый; благословенный', 'долгожитель', 'могучий'; 'старый, умудренный опытом').

Некоторые из прилагательных — реконструируемых опорных компонентов — призваны констатировать наличие у именуемого особой приметы: *artuq* 'излишний; излишек' (так именуют младенцев мужского пола, родившихся с шестью пальцами на руке или ноге), *meñliq* 'обладающий родинкой', *taz* 'плешивый', *uzun* 'высокого [роста, о человеке]', 'долговязый'.

Из изложенного вытекает заключение: семантическая подсистема тюркского антропонимикона во многом напрямую зависит от конкретного собственно тюркского социально-культурного контекста с чрезвычайной живучестью его этнических традиций. Сделанное заключение перекликается с тезисом Н. И. Толстого: «Зависимость семантической системы языка от „системы“ реального мира („культуры“) неодинакова в ее различных сферах» [26, с. 38]. По крайней мере, тюркский антропонимикон представляет собой ту область лексики, которая особо чувствительна к такой зависимости.

*

Сделанный выше обзор результатов изучения тюркской антропоники, равно как и проведенное нами ее сравнительно-историческое исследование, позволяют сформулировать некоторые основные исследовательские задачи в этой области. Общими усилиями тюркологов-антропонимистов необходимо:

1) составить общетюркский именник; для этого, скорее всего, предварительно потребуется разработка соответствующих анкет опроса и сбора материала с тем, чтобы обеспечить его сопоставимость по разным тюркским языкам;

2) развернуть сравнительное изучение антропонимиконов тюркских языков по их классификационным группам и подгруппам; начало такому изучению положено на материале татарских и башкирских имен [27], башкирских и казахских имен [37]. При этом необходимо отмечать как совпадающие, так и не совпадающие компоненты имен, уделять внимание частотности компонентов имен по языкам, учитывать, представлены ли эти компоненты только в мужской или женской антропонимии; если

же они представлены в обеих частях антропонимии, желательно отмечать, где чаще и с какими именно компонентами встречаются;

3) всемерно учитывать вариантность компонентов конкретных личных имен (начато изучение вариативности киргизских имен, см. [74]). При этом необходимо держать в центре внимания связь такой вариативности с диапазоном семантической сочетаемости тех компонентов личных имен, которые принадлежат к различным лексико-грамматическим и лексико-семантическим подгруппам, а также с таким структурным признаком, как порядок следования компонентов внутри сложносоставного имени;

4) изучать историческую антропониимию по документальным материалам и историческим словарем, имея целью составить хотя бы в общих чертах тюркский исторический именник;

5) опираясь на выполнение задач, намеченных в пунктах 1–4, определить характерные черты раннетюркских личных имен, установить и описать типы раннетюркских (по возможности также — раннеогузских, раннекыпчакских и прочих) личных имен [см. 74; 75].

Литература

1. Самойлович А., *К вопросу о наречении имени у турецких племен*, Живая старина, XX, II, 1911, с. 297–300.
2. Абрамзон С. М., А. Н. Самойлович — этнограф, в: *Тюркологический сборник* 1974. Москва 1978, с. 169–197.
3. Потанин Г., *Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки*. „Живая старина”, XXV, II–III (1916), Петербург, 1917, с. 47–192; приложен „Указатель собственных имен” (составлен А. Н. Самойловичем, который принял участие в редактировании сборника), с. 192–198.
4. *Справочник туркменских личных имен*, Ашхабад 1989.
5. Курогло С. С., *Гагаузская антропонимия*, в кн.: Дрон И. В., Курогло С. С., *Современная гагаузская топонимия и антропонимия*, Кишинев 1989: „Словарь гагаузских фамилий и прозвищ”, с. 116–180; „Словарь гагаузских имен”, с. 181–202 („Мужские имена”, с. 181–194; „Женские имена”, с. 195–202).
6. Саттаров Г. Ф., *Татар исемнәрә сузлеге*, Казан 1981.
7. Шайхулов А. Г., *Татарские и башкирские имена тюркского происхождения*, Уфа 1983.
8. Кусимова Т. Х., *Башҡорт исемдәре*, Уфа 1976.
9. Жанузақов Т., Эсбаева К., *Қазақ есіндері (Анықтама сездік)*. Алматы 1988.
10. *Словарь киргизских личных имен. Практическое пособие*, Фрунзе 1979.
11. *Уйгурско-русский словарь*. Под ред. Кибирова Ш., Цунвазо Ю., Алма-Ата 1961, с. 284–288.
12. *Уйгурско-русский словарь*. Сост. Э. Н. Наджип, Москва 1968, с. 816–825.
13. *Ногайско-русский словарь*, Москва 1963, с. 484–489.
14. *Каракалпакско-русский словарь*, Москва 1958, с. 772–779.
15. *Ойротско-русский словарь*, Москва 1947, с. 207–214.

16. Хакасско-русский словарь, Москва 1953, с. 348–356.
17. Менажиев Я., Азаматов Х., Абдурахмонов Д., Бегматов Э., *Исмингинг магноси нима?* Тошкент 1968, с. 33–99.
18. Гагаузско-русско-молдавский словарь, Москва 1973, с. 604–611.
19. Караимско-русско-польский словарь. Москва 1974, с. 674–680.
20. *Имя — Этнос — История*, Москва 1989.
21. Жанузақов Т., *Қазақ есімдерінің тарихы*, Алматы 1971.
22. Древнетюркский словарь, Ленинград 1969.
23. Houtsma M. Th., *Ein türkisch-arabisches glossar*, Leiden 1894.
24. Дмитриева Л. В., *Материалы к описанию рукописного наследия А. Н. Самойловича*, в: *Туркологический сборник* 1974. Москва 1978, с. 293–302.
25. Указатель собственных имен, в: *Бабур-наме. Записки Бабура*, Ташкент 1958, с. 483–512.
26. Толстой Н. И., *Из опытов типологического исследования славянского словарного состава*, ВЯ 1963, 1, с. 29–45.
27. Шайхулов А. Г., *Тематические группы татарских и башкирских личных имен доисламского периода*, в: *Номинация в ономастике*. Свердловск 1991 („Вопросы ономастики”, вып. 19), с. 137–142.
28. Штернберг Л. Я., *Культ близнецов в Китае и индийские влияния*, в *Сборник Музея антропологии и этнографии* [АН СССР]. VI. Ленинград 1927, с. 1–18.
29. Толстые Н. И. и С. М., *Принципы, задачи и возможности составления этнолингвистического словаря славянских древностей*, в: *Славянское языкознание (IX Международный съезд славистов, Киев, сентябрь 1983. Доклады советской делегации)*, Москва 1983.
30. Задыхина К. Л.: *Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии*, в: *Родовое общество. Этнографические материалы и исследования*, Москва 1951, с. 157–179.
31. Саттаров Г. Ф., *Отглагольные антропонимы в татарском языке*, в: *Ономастика Поволжья*, 3, Уфа 1973, с. 41–48.
32. Скрябина Н. П., *Личные наименования в документах ясачного сбора XVII в. на территории Якутии*, в: *Вопросы ономастики. Собственные имена в системе языка* [вып. 14], Свердловск 1980, с. 140–144.
33. *Системы личных имен у народов мира*, Москва 1986.
34. Гордлевский В. А., *К личной ономастике у османцев*, в: *Древности восточные*, т. IV (отд. II), Москва 1913, с. 153–161.
35. Rásonyi L., *Les noms de personnes impératifs chez les peuples turques*, АОН XV, 1–3, 1962, с. 233–243.
36. Саттаров Г. Ф., Субаева Р. Х., *Основные компоненты сложных личных имен в татарском языке*, в: *Ономастика Поволжья*, 4, Саранск 1976, с. 65–73.
37. Шайхулов А., *Лексико-семантическая общность башкирской и казахской антропонимии*, в: *Этническая ономастика*, Москва 1984.
38. Rásonyi L., *Sur quelques catégories de noms de personnes en turc*, В: „Acta Linguistica Hung.”, III, 3–4, 1953, с. 323–351.
39. Rásonyi L., *Der Frauenname bei den Türkvölkern*, UAJb. XXXIV, 3–4, 1964, с. 323–329.
40. Емельянов Н. В., *Сюжеты олонхо о родоначальниках племени*, Москва 1990.
41. Кононов А. Н., *Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского*, Москва–Ленинград 1958.
42. Трощанский В. Ф., *Опыт систематической программы для собирания сведений о дохристианских верованиях якутов*, „Живая старина”, XX, вып. II, 1911, с. 247–292.

43. Rásonyi L., Les noms de nombre dans l'anthroponymie turque, АОН, XII, 1–3, 1961, с. 45–71.
44. Kakuk S., *Quelques catégories de noms de personne turcs*, АОН XXVIII, 1, 1974, с. 2–35.
45. Трубачев О. Н., *Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян*, ВЯ, 1974, 6, с. 48–67.
46. Севортян Э. В., *Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные)*, Москва 1974; *Общетюркские и межтюркские основы на букву „Б“*, Москва 1978; *Общетюркские и межтюркские основы на буквы „В“, „Г“ и „Д“*, Москва 1980; *Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы „Ж“, „Ж“, „Й“*. Отв. ред. Л. С. Левитская. Москва 1989 (далее в тексте — ЭСТЯ с указанием года).
47. Räsänen M., *Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen*, Helsinki 1969.
48. *Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции*, Москва 1988.
49. Белецкий А. А., *Лексикология и теория языкознания*, Киев 1972.
50. Суперанская А. В., *Общая теория имени собственного*, Москва 1973.
51. Юрий Тынянов: *писатель и ученый*, Москва 1966.
52. Старостин Б. А., *О некоторых структурных особенностях собственных имен*, в: *Языковая практика и теория языка*. Вып. I. Москва 1974.
53. Андренов Н. Б., *Методологический анализ исследования фольклора*, Автореф. канд. дисс. Новосибирск 1983.
54. Бегматов Э., *Антропонимика узбекского языка*, Автореф. канд. дисс. Ташкент 1965.
55. Саттаров Г. Ф., *Категория ласкательности в татарских личных именах*, в: *Антропонимика*, Москва 1970, с. 211–217.
56. Трубачев О. Н., *Реконструкция слов и их значений*, ВЯ 1980, 3, с. 3–14.
57. *Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Лексическая реконструкция. Реконструкция исчезнувших языков*, Москва 1991.
58. Пушкин А. С., *Полное собрание сочинений в 16-ти томах*, Москва–Ленинград 1937–1939. Т. II.
59. Лотман Ю. М., *Беседы о русской культуре*, Санкт-Петербург 1994.
60. Илимбетов Ф. Ф., *Личные имена как источник при изучении древних верований башкир*, в: *Ономастика Поволжья*, 3, Уфа 1973, с. 89–95.
61. Гумилев Л. Н., *Древние тюрки*, Москва 1967.
62. Кузеев Р. Г., *Башкирские шәжәрә*, Уфа 1960.
63. Trujarski E., *In confinibus Turcarum. Szkice turkologiczne*, Warszawa 1995.
64. Гриценко К. Ф., *Личные имена и прозвища у якутов*, в: *Антропонимика*, Москва 1970, с. 135–160.
65. Кусимова Т. Х., *Некоторые обычаи наречения имен у башкир*, в: *Ономастика Поволжья*, 2, Горький 1971, с. 52–54.
66. Жанузаков Т., *Социально-бытовые мотивы в казахской антропонимии*, в: *Личные имена в прошлом, настоящем, будущем*, Москва 1970, с. 194–200.
67. *Манас, Киргизский героический эпос*, Кн. 3, Москва 1990.
68. Кайдаров А., *Доспехи и вооружение воина-батыра в казахском эпосе и их этнолингвистическое объяснение*, в: „Известия АН Казахской ССР. Сер. обществ“, 1973, 6, с. 25–34.
69. Сопиева Г. К., *Лексические источники личных имен у туркмен*, в: *Ономастика Средней Азии*, Москва 1978, с. 177–182.
70. Кусимова Т. Х., *Из истории личных имен башкир*, в: *Личные имена в прошлом, настоящем, будущем*, с. 241–248.

71. Радлов В. В., *Из Сибири. Страницы дневника*, Москва 1989.
72. Мухамедова З. Б., *К вопросу о личной ономастике у туркмен*, в: *Труды Института языка и литературы АН Туркм. ССР*, II, Ашхабад 1957, с. 34–48.
73. *Историческая ономастика*, Москва 1977.
74. Исмаилова С. А., Овчинникова Е. И., *Личные имена и их варианты в киргизском языке*, в: *Вопросы ономастики. Собственные имена в системе языка* [вып. 14], Свердловск 1980, с. 131–139.
75. Благова Г. Ф., *К характеристике типов раннетюркских антропонимов*. ВЯ, 1998, N^o4, с. 180–191.
76. Благова Г. Ф., *Древние кыпчакские имена в свете реконструкции пратюркской антропонимической системы*, в: *Ориенталика*, Уфа, 1998, 39–43.